

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Р.В.ШАЙДУЛЛИН, Б.И.СИБГАТОВ

ОСОБЕННОСТИ ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века крестьянство являлось самым крупным собственником земли в Казанской губернии. Главной формой крестьянского землевладения оставалась община. Общинное землепользование негативно сказывалось на развитии сельского хозяйства, ограничивая крестьянскую инициативу в земледелии, приводя к дальнотемелью и чересполосице. В Казанской губернии существовали простые, раздельные и сложные виды крестьянских общин. Простые общины состояли из жителей одного населенного пункта. Если в одном поселении было несколько крестьянских общин, то такие общины назывались раздельными. Сложные общины включали в себя несколько, а иногда и десятки поселений. Запутанность землепользования в сложных общинах приводила к конфликтам между участниками общины. К началу XX века в Казанской губернии шел процесс разложения сложных общин на простые и менее сложные. Несмотря на все негативные стороны общинного землепользования, его позиции в Казанской губернии в начале XX в. были сильны. Столыпинская аграрная реформа затронула лишь 1/6 часть крестьянских земель.

Ключевые слова: Казанская губерния, аграрная реформа, крестьянство, крестьянская община, сельское хозяйство, земледелие, землепользование.

В начале XX века самыми крупными собственниками земли в Казанской губернии являлись крестьяне. Они владели 62,5% удобной земли. Около 11% обрабатываемых земель находилось в руках частных владельцев, 24,8% принадлежало казне, 0,57% земель относилось к удельному ведомству, 0,6% – к городам и посадам, 0,35% – церквам и монастырям [1, л. 25].

В отличие от центральных губерний России, где была велика доля бывших владельческих крестьян, в Казанской губернии абсолютным большинством были бывшие государственные крестьяне. К моменту отмены крепостного права они составляли 81,9% от всего крестьянского сословия [2, с. 4].

Это имело свои исторические причины. После присоединения региона к Московскому государству, в целях сохранения спокойствия в крае и политической лояльности населения, правительство не решилось к широкой раздаче земель помещикам. Тем более, не решилось передавать татарских крестьян – мусульман в руки помещиков христиан.

Поэтому большая часть крепостных были

русским крестьянами, переселившимися в край вместе со своими помещиками.

Основной формой крестьянского землевладения в крае была община. Право распоряжения землей принадлежало членам общины на началах пропорционально-уравнительных [3, с. 27].

Земля между членами общины распределялась путем переделов.

Переделы могли быть коренными, когда перераспределялась вся общинная земля с участием всех членов общины, или частными, когда перераспределялась часть общинной земли между несколькими дворами.

Участки делили либо по жребию, либо по взаимной договоренности.

При этом община стремилась к справедливому распределению земли между крестьянскими дворами, дающему каждому равные шансы на выживание.

Для этого учитывались не только количество мужской рабочей силы (в русских общинах иногда учитывалось количество едоков или мужчин и женщин как рабочую силу одинаково) [3,

с. 39], семейные разделы, но и качество почвы, что в свою очередь приводило к дележу земли на мелкие участки.

Это и стало главным бичом общины. Надел одного домохозяйства часто располагался на разных участках (чересполосица). Эти участки зачастую оказывались в значительном отдалении как друг от друга, так и от усадьбы домохозяина (дальноземелье).

Дальноземелье способствовало и то, что крестьянство в Казанском крае в силу исторических причин расселялось крупными поселениями.

Так, у общины № 83 д. Новая Грязнуха Спаского уезда поля, занимающие 480 дес., были вытянуты на 10 верст; у общины №86 д. Карабаево Тетюшского уезда на 7,5 верст [3, с. 63–65].

В Казанской губернии только 1728 общин из 2992 имели свой надел на одном участке.

Иногда наделы делились на множество участков, что приводило к раздроблению крестьянских земель мелкие полосы (мелкополосица).

Все эти факторы крайне негативно сказывались на крестьянском земледелии: создавались затруднения при уходе за посевами, транспортировке грузов. Много времени затрачивалось на дорогу от дома к пашне и обратно.

Мелкополосица приводила к частому межеванию, требовала подъездов и дорог, что выводило из хозяйственного оборота значительные площади земель, засоряло сорными растениями обрабатываемые участки.

Так, например, площадь пашни общины сел Кривого и Степного Озера Егоркинской волости Чистопольского уезда равнялись 2152 дес., из которых 257,5 дес., т.е. почти 12%, терялась под межниками, полевыми дорогами, тропинками и т.п. [4, с. 8].

Кроме всего прочего, принятая в общине общая пастьба скота на стерне и на пару, чересполосица, переделы земли лишали крестьянина всякой инициативы. Он не мог отказаться от принятой трехпольной системы, был полностью подчинены традициям общины.

Мало того, часто крестьянин не имел мотивации к улучшению плодородия своей пашни, так как не был уверен, что при следующем переделе его участок останется у него.

Несмотря на принятый 8 июня 1893 г. закон

о запрещении переделов чаще, чем раз в 12 лет, крестьяне находили способ обходить его. В некоторых местах делили землю даже ежегодно [3, с. 40].

Все это лишало всякой возможности к интенсификации земледелия, вызывая у хлебопашца стремление к хищническому экстенсивному хозяйствованию.

В Казанской губернии встречались все характерные для России типы общин.

Наиболее распространенной была простая община, типичная для русских и для татар. Она состояла из жителей одного поселения.

Если же в общину входило только часть жителей селения, то она называлась раздельной.

Раздельные общины существовали в деревнях и селах, где проживали крестьяне различных разрядов, например бывшие удельные и государственные, представители различных этносов, или же бывшие владельческие крестьяне, принадлежавшие в период крепостничества различным помещикам.

Сложные общины иногда включали в себя жителей нескольких, а то и десятков поселений.

Например, в Козьмодемьянском уезде существовало 6 общин, включающих в себя 20, 26, 30, 37 селений и их частей. А расположенная в том же уезде Троицкая община («Большая веревка») объединяла в себе даже 42 поселения [5, с. 38–40].

Неудивительно, что некоторые сложные общины имели до 12 тыс. дес. обрабатываемых земель [3, с. 33].

Землепользование в таких общинах было весьма нерациональным. Часто встречалась чересполосица и мелкополосица. Нередко обрабатываемые участки находились в нескольких верстах друг от друга и места жительства крестьян, тогда как близлежащие земли могли обрабатываться крестьянами из соседних деревень.

Особенно распространены были сложные общины в западных уездах Казанской губернии: в Ядринском, Цивильском, Козьмодемьянском, Чебоксарском, Царевококшайском. В Козьмодемьянском уезде, например, 50 из 71 общины являлись сложными, в Царевококшайском – 50 из 222, в Чебоксарском – 90 из 177 [3, с.102–103], в то время как по губернии процент сложных общин составлял всего 14,6% (см. табл. 1).

Таблица 1. Виды земельной общины в Казанской губернии к 1907 г. *

Тип общины	Количество общин	%
Простая	2029	67,8
Раздельная	525	17,6
Сложная	438	14,6
Всего	2992	100

*Таблица составлена по данным: Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. – Казань, 1909. – Вып. 13. – С. 102–103.

По этносам виды общин распределялись следующим образом:

Таблица 2. Виды земельной общины в Казанской губернии по народностям к 1907 г. *

Народ	Всего	В %	Простые	В %	Раздельные	В %	Сложные	В %
Русский	1377	100	833	60,5	510	37	34	2,5
Татары	759	100	722	95,1	7	0,9	30	4
Чуваши	452	100	225	49,8	–	0	227	50,2
Марийцы	135	100	52	38,5	1	0,7	82	60,8
Удмурты	19	100	17	89,5	–	0	2	10,5
Мордва	14	100	10	71,5	3	21,5	1	7

*Таблица составлена по данным: Крестьянское землевладение Казанской губернии. Свод по губернии. – Казань, 1909. – Вып. 13. – С. 102–103.

Как следует из данных таблицы, простые общины более всего были характерны для татар (95,1%), удмуртов (71,5%), мордвы (71,5%). У русских крестьян простые общины составляли 60,5%, так как была велика доля раздельных общин (37%).

Эта особенность объясняется тем, что до реформ 1861 г. в крепостной зависимости находилось в основном именно русское крестьянство.

Среди чувашей и марийцев количество простых общин равнялось 49,8% и 38,5% соответственно. Более распространены среди них были сложные общины: для чуваш – 50,2%, марийцев – 60,8%.

Этому, в том числе, способствовали психоментальные особенности чувашских и марийских крестьян. Среди них была распространена традиция селиться околodками, т.е. небольшими группами в несколько дворов на одном месте. Эти околodки затем объединялись в сложные общины.

Таковыми, например, были состоящие из 5–6 околodков общины Большая Ошургинская и Малая Ошургинская в Царевококшайском уез-

де; состоявшая из 11 околodков Вторая-Байрашевская община Ядринского уезда [3, с. 33].

Но более распространенными были сложные общины, состоящие из полноценных деревень и сел, а иногда и примыкающих к ним околodков.

В западных уездах, к тому же, нередко встречались сложные общины искусственного происхождения. Дело в том, что чиновникам, занимавшимся вопросами землепользования государственных крестьян (с 1867 г.), часто не хватало времени разбирать все хитросплетения в земельных отношениях между общинами, и в особенно запутанных случаях они просто записывали несколько общин в одну сложную, с надеждой, что уже потом крестьяне сами поделят между собой землю.

В отличие от сложных общин естественного происхождения, в таких общинах часты были конфликты между общинниками.

Вот что об этом пишет в исследовании «Труды статистической экспедиции, снаряженной в 1883 г. Казанским Земством» К.В.Лаврский:

«Трудно преувеличить вредное влияние на хозяйственный быт такого донельзя неудобного в наше время способа землевладения, обрекающего большую часть селений Егоркинской и Максиминской волостей на какую-то безвыходную неподвижность в сельскохозяйственном отношении. Пока существует такое землевладение, немислим для этих селений никакой прогресс сельскохозяйственной культуры, подавлена в корне всякая в этом деле предприимчивость – не только частная, но и общинная. Но зло идет дальше и глубже: крестьяне связанных общим землевладением селений ежегодно терпят, благодаря ему, неисчислимы убытки и потери, и ко всему этому присоединяется какой-то хронический раздор между деревнями, влекущий за собой взаимное разорение, тяжбы, судбища, драки <...> правда, все это проявляется дробно, по мелочам, рассеянно во времени и пространстве, сделалось обычным явлением, и потому не бросается в глаза, остается почти незамечаемым. Но достаточно представить себе, что в таком небольшом районе как две волости, 20 сельских обществ (сельское общество – низшая административная единица) в течении десятков лет <...> не ладят или даже прямо враждуют одно с другим из-за земли, т.е. из-за разных вопросов и последствий насильственно-общинного землевладения, и нельзя не согласиться, что зло, о котором здесь идет речь, достойно самого серьезного внимания. Из семи соединенных поземельных общин только одна составляет пока исключение, а остальные шесть (в которых 17 деревень) – или уже судятся и тягнутся из-за общего владения земельным наделом, или собрались судиться, или уже пытались искать судебного разрешения своих споров и не нынче – завтра снова начнут хлопотать об этом» [3, с. 36].

Ввиду выше перечисленных особенностей, к началу XX века в Казанской губернии шел процесс разложения сложных общин на простые, менее сложные. Если к 1861 г. насчитывалось 2939 общин, то к 1907 г.– 2992 [3, с. 38].

Необходимость отказа от столь сложной организации землепользования осознавалась крестьянами тем острее, чем более остро вставал вопрос о малоземелье.

Крестьянское население росло, увеличивалось количество отдельных дворов, и делить

землю становилось все сложнее. Часто в сложных общинах при распределении угодий приходилось обращаться к посторонним специалистам, которым выплачивались солидные гонорары [3, с. 34].

Несмотря на все негативные стороны общинного землепользования, его позиции в Казанской губернии, как и во всей России, к началу Первой мировой войны были сильны. Общинам принадлежало 3231687,8 дес. удобной и 198784 дес. неудобной земли, что составляло 60,3% всех обрабатываемых земель губернии [3, с. 44].

Наименьший процент общинных земель был в трех северо-западных уездах губернии: в Козьмодемьянском, Царевококшайском и Чебоксарском, где располагались большие площади казенных земель. Что касается разрядности общинников, то 84,5% из них были бывшими государственными крестьянами, 13,1% – бывшими владельческими, 2,1% – бывшими удельными, 0,2% – представителями низших отставных чинов, 0,1% – свободными хлебопашцами [3, с. 46].

Кроме нравственно-бытовых традиций местного крестьянства, существованию общинного землепользования долгое время способствовала политика государства. Именно в крестьянской общине оно видело главную опору самодержавия, а потому неистово его оберегало.

Так в ст. 19 «Общего положения о крестьянах» говорилось, что общинник может продать или подарить свой выделенный участок только лицам, приписанным или приписываемым к сельской общине. Лишь в случаях промышленного использования земель допускается отчуждение выкупленных наделов лицам всех состояний, однако не иначе, как с разрешения министра внутренних дел.

Политика правительства по отношению к крестьянскому сословию до конца XIX века характеризовалась стремлением сохранить сложившиеся социально-экономические условия в деревне путем постепенного преобразования форм общинного землепользования, опеки. В них главная роль отводилась земским начальникам.

Лишь в начале XX века правительство делает осторожные шаги к разложению общинной системы управления. Так, Высочайшим повелени-

ем 12 марта 1903 г. была отменена круговая порука, которая была одним из основных принципов общинного землепользования. Это должно было ослабить интерес крестьян к сохранению общины.

Высочайший Указ от 3 ноября 1905 г. отменял выкупные платежи, делая крестьян собственниками находящейся в их распоряжении земли, таким образом также способствуя разложению общины.

Наконец, Высочайший Указ 9 ноября 1906 г. каждому общиннику давал право на свободный выход из общины с укреплением в личную собственность участка наделной земли.

Для этого в губерниях создавались землеустроительные комиссии, в обязанность которых вменялось производить выдел отдельных домохозяев из общины, разверстывать общинные, подворные и наследственные земли на хутора и отруба. Землеустроительные комиссии фактически приравнивались к административно-судебным учреждениям.

Губернская землеустроительная комиссия выполняла функции распорядительного учреждения и принимала апелляционные жалобы на решения уездных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями. Она должна была возглавлять работу уездных комиссий и контролировать их деятельность.

Руководителем губернской землеустроительной комиссии был губернатор. Уездные комиссии формировались под председательством

вом уездного предводителя дворянства.

В состав обеих комиссий входили должностные лица: председатель губернской земской управы, управляющий казенной палатой, земской начальник, непременный член, назначаемый Главным управлением землеустройства и земледелия. К работе комиссии также привлекались «люди от земли»: в уездную – три представителя от крестьян, назначаемых по жребию из числа кандидатов, избираемых волостными сходами уезда; в губернскую – три местных крестьянина, владеющих наделной землей [6, с.201].

Об успешности столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии говорить не приходится. Так, исследователь марийской деревни А.С.Патрушев отмечает, что крестьяне с недоверием встретили аграрные преобразования, поэтому создание единоличных хозяйств проходило достаточно болезненно.

В своем труде «Вторая русская смута: крестьянское измерение» Д.И.Люкшин большое внимание уделяет протестным выступлениям крестьян Казанской губернии против реформы П.А.Столыпина. Он приходит к выводу, что большая часть крестьянства выступала за сохранение общины и сопротивлялась внедрению частного землевладения. Но при этом Д.И.Люкшин отмечает устойчивую тенденцию выхода крестьян из общин в течение всего довоенного времени, что подтверждается данными таблицы:

Таблица 3. Динамика землеустроительных работ в Казанской губернии в 1907–1913 гг.*

Годы	Площадь устроенных земель в дес.			Соотношение площадей видов землеустройства в % по годам		
	Единоличное	Групповое	Всего	Единоличное	Групповое	Всего
1907 – 1909	12349	53040	65389	13,3	11,9	12
1910 – 1911	34702	183464	218166	37,4	40,8	40,3
1912 – 1913	45684	212588	258272	49,3	47,3	47,7
Итого	92735	449092	541827	100	100	100

*Таблица составлена по данным: НА РТ. Ф.1. О.1. Д.7401. Л.25.

Как видно, большее развитие в губернии получило групповое землеустройство – 82,9% устроенных площадей. Казанская губерния в целом по Российской империи занимала ведущие

позиции по участию домохозяев в групповом землеустройстве к общему числу устроенных дворов, уступая только Архангельской губернии (96,4% землеустроительных работ группового

характера) [8, с. 4–5].

Вот как комментировал сложившуюся ситуацию исполняющий обязанности неперменного члена губернской землеустроительной комиссии П.А.Меркулов:

«Для Казанской губернии характерно малое, в сравнении с другими губерниями, количество дел по разверстанию целых селений на хуторские и отрубные участки... необходимость сведения укрепленных полос в одно хозяйственное целое в сознании крестьян еще не успела прочно сложиться, поэтому и выходы на хутора и отруба с целью ведения хозяйства, были весьма редки...» [9, л. 26–27].

Кроме того, созданию хуторского хозяйства препятствовали большие затраты на перенос строений, отдаленность школ, а для мусульман и мечетей [10, с. 17].

Поэтому, если даже из общины выделялись единоличные хозяйства, то наиболее распространенной их формой были отруба.

К 1911 г. 1957 домовладельцев перешли к отрубному хозяйству, что составило 0,5% от общего числа домовладельцев губернии. Отрубное хозяйство получило развитие преимущественно в восточной части губернии.

Так, от общего количества отрубов 26,6% находилось в Чистопольском уезде, 17,4% – в Тетюшском, 10,8% – в Лаишевском [11, с. 31].

В хозяйственном отношении хуторские и отрубные хозяйства мало чем отличались от общинного землевладения. Во многих из них было плохое водоснабжение, часто приходилось пользоваться общими колодцами, которые не редко пересыхали летом. Качество дорог было неудовлетворительным. По состоянию сельскохозяйственного инвентаря наблюдалось полное отсутствие сеялок, сортировок, косилок, как исключение у зажиточных крестьян встречались жнейки, молотилки и веялки [11, с. 55].

Землеустроительные комиссии занимались и улучшением общинного землепользования (устранение чересполосицы, дальнотемелья).

Так, в 1911 г. в комиссию из 942 сельских обществ поступило 40501 ходатайство об улучшении форм землепользования. В 377 сельских обществах на площади 118414 дес. были проведены работы по устранению недостатков землевладения [12, л. 34].

Таким образом, в начале XX века в Казанской

губернии большая часть крестьянских земель принадлежала общине.

Общинное землепользование тормозило развитие сельского хозяйства в губернии, принудительный севооборот, дальнотемелье и чересполосица ограничивали крестьянскую инициативу.

Столыпинская аграрная реформа принесла определенные позитивные изменения в систему крестьянского землепользования. Однако подавляющая часть крестьянства отнеслась к ней с опаской, сохраняя прежние формы землепользования.

К началу Первой мировой войны землеустройством было охвачено всего 16,8% общей площади наделных земель.

Литература:

1. НА РТ. Ф.98. Оп.1. Д.191.
2. Даишев С.И. Из истории развития капиталистических отношений в деревне Казанской губернии в конце XIX века. По материалам землепользования. Доклад на «Краеведческих чтениях» 1958 г. – Казань: Гос. музей Тат. АССР, 1958. – 26 с.
3. Крестьянское землевладение в Казанской губернии / Оценочно-статистическое бюро Казанского губернского земства. – Казань: лито-типография И.Н.Харитоновна, 1909. – Вып. 13. – 302 с.
4. Лаврский К. Татарская беднота. (Статистико-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии). Казань: Тип. Губ. правления, 1884. – 43 с.
5. Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1974. – 272 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., Государственная типография, 1915. – Т.32. – 1819 с.
7. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., АИРО-XXI, 2006. – 144 с.
8. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. – Пг.: Типография В.Ф.Киршбаума, 1915. – 140 с.
9. НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 2995.
10. Чернышев И.В. Община после 9 ноября 1906 г. – Пг., 1917. – Ч. 2. – 143 с.
11. Укрепление наделов в личную собствен-

ность в Казанской губернии (Указ 9 ноября 1906 г. и Закон 14 июня 1910 г.) / Оценочно-стат. бюро Казан. губ. земства. Казань, Тип. Губ. правления, 1911. – 101 с.

12. НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.7401.

13. Шайдуллин Р.В. Крестьянство Татарстана: экономический и общественно-политический аспекты (1920–1929 гг.). Казань, Фэн, 2004. – 248 с.

14. Сибгатов Б.И. Деревня Казанской губернии в годы Первой мировой войны: социально-экономический аспект (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2015. – 254 с.

15. Батыршин Р.Р. Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2008. – 181 с.

FEATURES OF COMMUNAL LAND PLANT IN KAZAN PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

[OSOBNOSTI OBSHCHINNOGO ZEMLEVLADENIYA V KAZANSKOY GUBERNII V NACHALE XX VEKA]

Rafail SHAYDULLIN

Doctor of Historical Sciences, Professor; Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan, Pushkin, 56;
e-mail: srv60@yandex.ru.

Bulat SIBGATOV

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher; Institute of Tatar Encyclopedia and Area Studies of the
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 420015, Kazan, Pushkin, 56; e-mail: dr.bs.1987@yandex.ru.

KEYWORDS:

Kazan province, agrarian reform, peasantry, peasant community, agriculture, land use.

ABSTRACT:

At the beginning of the XX century, the peasantry was the largest owner of land in Kazan province. The main form of peasant land tenure remained the community. Community land use had a negative impact on the development of agriculture. It limited the peasant initiative in agriculture, led to the distant location of arable land and the alternation of land plots of peasants. In Kazan province there were simple, separate and complex types of peasant communities. Simple communities consisted of inhabitants of one settlement. If there were several peasant communities in the same settlement, then such communities were called separate. Complex communities included several, and sometimes dozens of settlements. The confusion of land use in complex communities led to conflicts between community members. By the beginning of the twentieth century in the Kazan province there was a process of decomposition of complex communities into simple and less complex. Despite all the negative aspects of communal land use, his position in Kazan province in the early twentieth century. were strong. The Stolypin agrarian reform affected only 1/6 of the peasant lands.

REFERENCES:

National Archive of the Republic of Tatarstan. [Natsionalny Arkhiv Respubliki Tatarstan.] - F.98. Op.1. D.1914; F.1. Op. 4. D. 2995; F.1. Op.4. D.7401.

Daishev S. From the history of the development of capitalist relations in the village of Kazan province in the late XIX century. Based on land use materials. Report on the "Local Lectures Readings" 1958. [Iz istorii razvitiya kapitalisticheskikh otnosheniy v derevne Kazanskoj gubernii v kontse XIX veka. Po materialam zemlepolzovaniya. Doklad na «Krayevedcheskikh chteniyakh» 1958 goda.] - Kazan: State Museum, 1958. 26 p.

Peasant land tenure in Kazan province. Estimated statistical office of the Kazan province zemstvo. [Krestyanskoye zemlevladieniye v Kazanskoj gubernii. Otsenochno-statisticheskoye byuro Kazanskogo gubernskogo zemstva.] - Kazan: litho-printing house of I.N. Kharitonov, 1909. Issue 13. 302 p.

Lavrsky K. Tatar poor. (Statistical and economic essay on two Tatar villages of Kazan province). [Tatarskaya bednota. (Statistiko-ekonomicheskij ocherk dvukh tatarskikh dereven Kazanskoj gubernii).] - Kazan: Printing house of provincial government, 1884. 43 p.

Patrushev A. Mari village in the period of imperialism. [Mariyskaya derevnya v period imperIALIZMA.] - Yoshkar-Ola: Mari book publishing house, 1974. 272 p.

The complete collection of laws of the Russian Empire. Third collection. [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoj imperii. Sobraniye tret'ye.] - SPb., State Printing House, 1915. V. 32. 1819 p.

Lukshin D. The second Russian distemper: the peasant dimension. [Vtoraya russkaya smuta: krestyanskoye izmereniye.] - Moscow, AIRO-XXI, 2006. 144 p.

Report on the activities of land management commissions on January 1, 1916 [Otchetnyye svedeniya o deyatel'nosti zemleustroitel'nykh komissiy na 1 yanvarya 1916 goda.] - Pg: V.FKirschbaum Printing House, 1915. 140 p.

Chernyshev I. The Community after November 9, 1906 [Obshchina posle 9 noyabrya 1906 goda.] - Pg., 1917. Part 2. 143 p.

Strengthening of private property plots in Kazan province (Decree of November 9, 1906 and Law of June 14, 1910). Estimated statistical office of the Kazan province zemstvo. [Ukrepleniye nadelov v lichnyuyu sobstvennost' v Kazanskoy gubernii (Ukaz 9 noyabrya 1906 g. i Zakon 14 iyunya 1910 goda). Otsenochno-statisticheskoye byuro Kazanskogo gubernskogo zemstva.] - Kazan: Printing house of provincial government. 101 p.

Shaydullin R. The Peasantry of Tatarstan: Economic and Socio-Political Aspects (1920–1929). [Krestyanstvo Tatarstana: ekonomicheskii i obshchestvenno-politicheskii aspekty (1920–1929).] - Kazan, Fen, 2004. 248 p.

Sibgatov B. The village of the Kazan province during the First World War: socio-economic aspect (1914–1917). Thesis. [Derevnya Kazanskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt (1914–1917 gg.).] - Kazan, 2015. 254 p.

Batyrshin R.R. Realization of the Stolypin agrarian reform in Kazan province (1906–1917). Thesis. [Realizatsiya stolypinskoy agrarnoy reformy v Kazanskoy gubernii (1906–1917 gg.).] - Kazan, 2008. 181 p.
